

УДК 78.071.2:929

ББК 85.315.3

Ш83

Нарушение прав автора, правообладателя, лицензиара в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, включая, но не ограничиваясь УК РФ, КоАП РФ, ГК РФ влечет привлечение виновных к уголовной, административной и гражданской ответственности.

Wladyslaw Szpilman. The Pianist

Перевод *Екатерины Поляковой*

Шпильман, Владислав.

Ш83 Пианист. Необыкновенная история выживания в Варшаве в 1939–1945 годах / Пер. с англ. яз. Е. Поляковой. — М.: Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (*Холокост. Палачи и жертвы*).

ISBN: 978-5-17-110342-2

Книга выдающегося польского пианиста и композитора Владислава Шпильмана рассказывает о тяжёлых испытаниях, выпавших на его долю в годы Второй мировой войны в Варшавском гетто. Он не просто пытался выжить, но по мере сил участвовал в сопротивлении врагу, пришедшему на родную землю. Однако впоследствии именно помощь немецкого офицера позволила ему спастись. Отрывки из дневников того самого офицера, Вильма Хозенфельда, также включены в издание и служат важным дополнением к тому, о чем пишет Шпильман. Книга послужила основой знаменитому фильму, поставленному Романом Полански.

УДК 78.071.2:929

ББК 85.315.3

ISBN: 978-5-17-110342-2

Copyright © Wladyslaw Szpilman, 1998

Foreword: Copyright © Andreas Szpilman, 2017

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие

До самого последнего времени мой отец никогда не рассказывал о том, что пережил во время войны. И всё же эти воспоминания сопровождали меня с детства. Из этой книги, которую я тайком снял с дальней полки, когда мне было двенадцать лет, я узнал, почему у меня нет бабушки и дедушки по отцу и почему отец никогда не рассказывал о своей семье. Книга открыла мне часть меня самого. Как я знал, отцу было известно, что я прочел её, но мы никогда её не обсуждали. Возможно, именно поэтому мне никогда не приходило в голову, что эта книга может что-то значить и для других людей, — на это мне указал мой друг Вольф Бирман, когда я рассказал ему историю отца.

Я много лет прожил в Германии и по-прежнему осознаю болезненный разрыв между ев-

реями с одной стороны и немцами и поляками с другой. Надеюсь, эта книга поможет затянуться до сих пор открытым ранам.

Мой отец Владислав Шпильман — не писатель. По профессии он, как говорят в Польше, «человек, в котором живёт музыка», — пианист и композитор, значимая и вдохновляющая фигура в польской культурной жизни.

Игре на фортепиано отец обучался в Берлинской академии искусств у Артура Шнабеля, там же он изучал композицию у Франца Шрекера. В 1933 году, когда к власти пришёл Гитлер, он вернулся в Варшаву и стал работать пианистом на Польском радио. К 1939 году он написал музыку для множества фильмов, а также много песен и романсов, которые были очень популярны в своё время. Перед самой войной он выступал с концертами вместе с всемирно известным скрипачом Брониславом Гимпелем, Генриком Шерингом и другими знаменитыми музыкантами.

После 1945 года он вернулся на Польское радио и продолжил выступать с концертами сольно и в камерных ансамблях. Он написал несколько симфонических произведений и около трёх сотен эстрадных песен, многие из которых стали хитами. Он сочинял музы-

ку для детей, время от времени писал музыку к радиопостановкам и фильмам.

Отец возглавил музыкальный департамент на Польском радио, но в 1963 году ушёл с этого поста, чтобы посвящать больше времени концертам и «Варшавскому квинтету», который он основал вместе с Гимпелем. В 1986 году, после более чем двух тысяч концертов по всему миру, сольных и с ансамблем, отец оставил выступления и полностью посвятил себя композиции.

Мне жаль, что его сочинения всё ещё не слишком известны на Западе. Думаю, что одна из причин — как культурное, так и политическое разделение Европы пополам после Второй мировой войны. Во всём мире лёгкая, развлекательная музыка нравится гораздо более широкой аудитории, чем «серьёзная» классика, и Польша здесь не исключение. Её жители выросли на песнях моего отца, ведь он задавал тон польской эстрадной музыке на протяжении нескольких десятилетий — но западная граница Польши стала непреодолимой преградой для такой музыки.

Первую версию этой книги отец написал в 1945 году — думаю, больше для себя, чем для остального человечества. Это позволило ему

проанализировать свои потрясения времён войны и освободить разум и чувства, чтобы жить дальше.

Книга так и не была переиздана, хотя в 1960-х годах многие польские издательства пытались донести её до молодого поколения. Но все их усилия наталкивались на противостояние. Объяснений не последовало, но реальная причина была очевидна — у властей были свои соображения.

Спустя более полувека после первого издания книга напечатана снова — возможно, это полезный урок для многих хороших людей в Польше, который может убедить их переиздать её в родной стране.

Анджей Шпильман

1

Час детей и безумцев

Моя карьера пианиста в военные годы началась в кафе «Новочесна»¹ на улице Новолипки, в самом центре Варшавского гетто. К ноябрю 1940 года, когда двери гетто захлопнулись, моя семья давно продала всё, что могла, даже главную драгоценность — пианино. Жизнь, пусть и столь блеклая, заставила меня преодолеть апатию и поискать способ заработать на жизнь — и, слава Богу, я его нашёл. Работа оставляла мне мало времени на раздумья, и осознание, что вся семья зависит от моего заработка, со временем помогло мне выбраться из безнадёжности и отчаяния, в которых я пребывал ранее.

Мой рабочий день начинался под вечер. Чтобы попасть в кафе, мне приходилось про-

---

¹ «Современная». — *Прим.пер.*

бираться через лабиринт узких улочек, уводящих далеко в глубину гетто, — а для разнообразия, если мне хотелось понаблюдать за увлекательной деятельностью контрабандистов, можно было пройти вдоль стены.

Вторая половина дня была лучшим временем для контрабанды. Полиция, устав за утро набивать собственные карманы, следила не так пристально, занятая подсчётом прибыли. Беспокойные силуэты возникали в окнах и дверных проёмах домов вдоль стены и вновь ныряли в укрытие, нетерпеливо ожидая грохота повозки или звона приближающегося трамвая. Время от времени шум по другую сторону стены нарастал, приближалась повозка, запряжённая лошадей, слышался условный свист и через стену летели мешки и пакеты. Тогда те, кто залёг в засаду, выбегали из дверей, поспешно хватали добычу и вновь отступали внутрь домов, и на несколько минут на улице вновь воцарялась обманчивая тишина, полная ожидания, волнения и тайных перешёптываний. В те дни, когда полиция более энергично выполняла свои ежедневные обязанности, можно было услышать эхо выстрелов, смешанное со стуком колёс, а через стену вместо мешков летели ручные гранаты,

которые гулко взрывались, сбивая лепнину со зданий.

Стены гетто не по всей длине подходили вплотную к дороге. Через определённые промежутки попадались длинные щели на уровне земли — по ним сточные воды с арийской части дороги направлялись в канализацию под еврейскими мостовыми. Дети использовали эти щели для контрабанды. Маленькие чёрные фигурки спешили к ним отовсюду на тонких, как спички, ногах, а испуганные глаза незаметно поглядывали по сторонам. Затем маленькие чёрные лапки протаскивали груз через щели — зачастую он был больше самих контрабандистов.

Как только добыча оказывалась внутри, дети скидывали её на плечи, горбясь и шатаясь под тяжестью груза. От усилия на висках у них вздувались голубые жилы, они судорожно хватали воздух раскрытым ртом, семена прочь во все стороны, как напуганные крысята.

Их работа была такой же рискованной и несла такую же опасность для жизни и здоровья, как и у взрослых контрабандистов. Однажды я шёл вдоль стены и увидел процесс детской контрабанды, который как будто

бы завершился успешно. Еврейскому мальчику с той стороны стены оставалось лишь пролезть обратно через щель вслед за своей добычей. Его тщедушная фигурка уже частично проникла внутрь, но внезапно он закричал, и в тот же миг я услышал хриплый рёв какого-то немца с другой стороны стены. Я бросился к мальчику, чтобы помочь ему поскорее пробраться внутрь, но вопреки нашим усилиям он застрял в стоке на уровне бёдер. Я тянул его ручонки изо всех сил, а его крики становились всё отчаяннее, и ещё я слышал сильные удары, которые наносил полицейский снаружи. Когда я наконец протащил мальчика внутрь, он уже не дышал. У него был раздроблен позвоночник.

На самом деле гетто не нуждалось в контрабанде для пропитания. Большинство мешков и пакетов, попадавших сюда через стену, содержало пожертвования поляков беднейшей части евреев. Реальной, налаженной контрабандой управляли такие магнаты, как Кон или Хеллер; она была куда более простой и вполне безопасной. Подкупленные полицейские просто закрывали глаза в условленное время, и тогда, под самым их носом и с их молчаливого согласия, в гетто въезжали целые обозы

с продовольствием, дорогим алкоголем, роскошнейшими деликатесами, табаком прямо из Греции, французской галантереей и косметикой.

Я наблюдал контрабандные товары во всей красе каждый день в «Новочесной». Туда приходили богачи, увешанные золотыми украшениями и усыпанные бриллиантами. Под хлопанье пробок шампанского ярко накрашенные девицы предлагали свои услуги спекулянтам, рассевшимся за богато накрытыми столами. Там я утратил две иллюзии: веру в нашу общую солидарность и в музыкальность евреев.

К «Новочесной» не пускали попрошаек. Толстые портье прогоняли их дубинками. Рикши часто проделывали долгий путь, и расположившиеся там мужчины и женщины зимой были одеты в дорогое сукно, а летом — в роскошные соломенные шляпы и французские шелка. Прежде чем добраться до территории, защищаемой дубинками портье, они сами отбивались от толпы тростями, и их лица были искажены гневом. Милостыни они не давали — в их глазах благотворительность лишь развращала людей. По их мнению, если бы вы работали так же усердно, как они, вы бы и за-

рабатывали столько же — любой так может, а если вы не знаете, как устроиться в жизни, так это лишь ваша вина.

Когда они наконец рассаживались за маленькими столиками просторного кафе, куда заходили только по делам, они принимались жаловаться на тяжёлые времена и отсутствие солидарности со стороны американских евреев. Что они там думают? Здесь умирают люди, им нечего есть. Здесь происходят ужаснейшие вещи, а американская пресса молчит, и еврейские банкиры по ту сторону океана пальцем не шевельнут, чтобы заставить Америку объявить войну Германии, хотя легко могли бы дать такой совет, если бы захотели.

Никто в «Новочесной» не обращал внимания на мою музыку. Чем громче я играл, тем громче разговаривали ужинающие и выпивающие, и каждый день мы с аудиторией соревновались, кто кого потопит. Как-то раз один посетитель даже прислал официанта, чтобы попросить меня ненадолго прервать игру, — из-за музыки он не мог проверить золотые двадцатидолларовые монеты, которые только что купил у другого посетителя. Потом он принялся осторожно постукивать монетами по мраморной поверхности столика, брать их

кончиками пальцев, подносить к уху и внимательно вслушиваться в их звон — единственная музыка, к которой он испытывал интерес. Я недолго играл там. К счастью, я получил новое место в совершенно иного рода кафе на улице Сенной, где собиралась еврейская интеллигенция, чтобы послушать мою игру. Именно там я приобрёл репутацию артиста и обзавёлся друзьями, с которыми мне предстояло разделить и приятные, и ужасные времена. Среди постоянных посетителей кафе был талантливый художник Роман Крамштык, друг Артура Рубинштейна и Кароля Шимановского. В то время он работал над великолепным циклом рисунков, изображавших жизнь за стенами гетто, не зная, что сам он будет убит, а большинство работ утрачено.

Ещё одним посетителем кафе на Сенной улице был один из прекраснейших людей, каких мне доводилось встречать, — Януш Корчак. Он был образованным писателем и знал почти всех ведущих артистов движения «Молодая Польша». Он рассказывал о них так, что невозможно было оторваться, его манера изложения была одновременно прямолинейной и захватывающей. Его не рассматривали как писателя первого разряда — вероятно, по-

тому, что его литературные достижения носили очень специфический характер: это были истории для детей и о детях, которые отличались великолепным пониманием души ребенка. Их диктовали не творческие амбиции, а позывы сердца прирождённого активиста и педагога. Истинная заслуга Корчака была не в том, что именно он писал, а в том, что он жил точно так же, как писал. Много лет назад, на заре своей карьеры, он посвящал детям каждую минуту свободного времени и каждый лишний злотый, и он остался верен им до самой смерти. Он основывал сиротские приюты, организовывал всевозможные сборы для бедных детей и выступал на радио, чем заслужил себе огромную популярность (и не только среди детей) под именем «Старого доктора». Когда ворота гетто закрылись, он вошёл внутрь, хотя мог бы спасти свою жизнь, и продолжал выполнять в его стенах свой долг — долг приёмного отца для дюжины еврейских сирот, самых бедных и покинутых детей в мире. Беседа с ним на Сенной улице, мы не знали, какой высокой и прекрасной жертвой завершится его жизнь.

Через четыре месяца я снова перебрался в другое кафе — «Штука» («Искусство»)

на улице Лешно. Это было крупнейшее кафе в гетто, стремившееся создать у себя творческую атмосферу. В его концертном зале проходили музыкальные вечера. Среди певцов была Мария Эйзенштадт, чей чудесный голос сейчас был бы известен миллионам, если бы впоследствии её не убили немцы. Сам я играл на фортепиано дуэтом с Анджеем Гольдфедром, и большим успехом пользовалось моё исполнение парафраза вальса из «Казановы» Людомира Ружицкого на слова Владислава Шленгеля. Этот самый поэт Шленгель появлялся в кафе ежедневно вместе с Леонидом Фокчанским, певцом Анджеем Властом, известным сатириком Вацусем-Искусствоведом и Полей Брауновной, — все они участвовали в шоу «Живая газета», остроумной хронике жизни в гетто, полной едких и рискованных намёков на немцев. Рядом с концертным залом был бар, где те, кто предпочитали еду и выпивку искусству, могли получить изысканные вина и отменно приготовленные котлеты де-воляй или бефстроганов. И концертный зал, и бар почти всегда были полны, так что в то время я неплохо зарабатывал и как раз мог обеспечить нашу семью из шести человек, хотя и не без труда.